

Когда пришло время ложиться спать, Чжун Цзыци собрался прихватить постель и уйти в другую комнату. В лечебнице рядом с кроватью стояла кушетка, и там он ещё мог как-то перебиться. Но дома... ему было неловко спать с ним на одной постели.

Однако его намерение встретило решительный протест со стороны Чжао Чжэнъяня.

— Куда собрался? — недовольно спросил тот, прищурившись.

— В соседнюю... — Цзыци слегка замялся.

— Мы с тобой официально вместе, чего тебе стесняться? Что это ещё за ночёвки по соседним комнатам? — сказав это, Чжао Чжэнъянь отодвинулся к стене, освобождая место. — Ложись здесь.

Чжун Цзыци колебался, глядя на пустое место рядом. Признание с его стороны радовало... но делить с ним постель он всё равно не хотел — он просто не был к этому готов.

...Однако, похоже, Чжао Чжэнъянь не собирался ждать, пока он «созреет». Он выхватил у него из рук одеяло, разложил его на кровати и коротко бросил:

— Всё, спать.

Цзыци ничего не оставалось, как раздеться и лечь на край, стараясь держаться как можно дальше от него. Он вытянулся, словно струна, спина напряжена до предела.

Чжао Чжэнъянь с усмешкой наблюдал за ним. Неужели спать рядом с ним — такое мучение? Он ведь ничего с ним не сделает... в его нынешнем состоянии он больше на вид грозный, чем на деле.

Он улёгся рядом и по привычке положил руку на тело Цзыци. Почувствовав, как тот мгновенно напрягся, Чжао Чжэнъянь тихо усмехнулся про себя — к этому тоже нужно привыкнуть.

— Ты можешь... убрать руку? Мне... неудобно, — едва слышно сказал Цзыци. По коже побежали мурашки, хотя раньше всё было нормально.

— Нет. Спи давай, за день устали, — ответил Чжао Чжэнъянь и, сказав это, притянул его ближе к себе. Почувствовав, что тот снова хочет что-то сказать, он тихо добавил: — Тсс, не шуми. Я спать хочу.

Слова застряли у Цзыци в горле — хоть плачь. Как тут уснёшь? Он был уверен, что не сможет сомкнуть глаз... но в итоге всё же провалился в сон. И лишь среди ночи его разбудило тяжёлое, прерывистое дыхание.

Он тут же повернул голову — в темноте не было видно лица Чжао Чжэнъяня.

— Что с тобой? Голова болит? Эй?!

Лишь спустя некоторое время дыхание немного выровнялось.

— Ничего... разбудил тебя? Спи дальше.

— Как я могу спать, когда ты так дышишь?! — раздражённо прошептал Цзыци.

Чжао Чжэнъянь промолчал. Вдруг он протянул руку и крепко обнял его, прижимая к себе.

Цзыци окончательно оцепенел — будто весь мир замер. Тепло чужого тела и лёгкий запах пота окутали его, заставив голову пойти кругом.

— Спи. А то если не уснёшь... я займусь чем-нибудь другим, — тихо прошептал Чжао Чжэнъянь ему на ухо.

Тёплое дыхание коснулось уха, вызывая лёгкое, щекочущее ощущение. Цзыци невольно сжался, не смея пошевелиться, и, в конце концов, просто покорно замер в его объятиях, больше не произнося ни слова.

Возможно, из-за того, что это объятие оказалось слишком тёплым, Чжун Цзыци незаметно для себя уснул. В темноте кто-то беззвучно улыбнулся — и голова уже не болела так сильно.

На следующее утро, проснувшись, Цзыци обнаружил, что всё ещё лежит в объятиях Чжао Чжэнъяня. Его лицо мгновенно вспыхнуло. Осторожно, стараясь не разбудить его, он выбрался из его рук, оделся и юркнул на кухню.

Дело было не в наивности. Просто за всю свою прошлую жизнь — больше двадцати лет — его чувства так и остались чистым листом. В семье царили строгие порядки, ранние отношения не допускались, да и сам он так и не встретил никого, кто бы по-настоящему тронул его сердце. А в университете... когда наконец появился кто-то, кто ему понравился — это оказался мужчина. Он придерживался принципа «лучше вовсе никого, чем кого попало» и никогда не предавался мимолётным связям. Так что даже умер он... всё ещё невинным.

Поэтому он всегда старался избегать лишних прикосновений — боялся, что однажды просто не сможет сдержаться и сам бросится в объятия. А теперь... кто-то оказался так близко, почти вплотную — как тут не смутиться?

Он плеснул в лицо холодной водой, прогоняя остатки сна, и, освежившись, принялся готовить.

Вчерашний рыбный суп ещё остался — он поставил его разогреваться.

Накануне на рынке он купил большой кусок мяса. Половину отложил, а остальное решил использовать сейчас: летом жара, продукты быстро портятся — не съешь вовремя, пропадут. Как тогда, когда он купил мясо для стариков Чжун — из-за происшествия забыл о нём, и оно испортилось. Когда пришлось выбрасывать, сердце у него сжималось от жалости.

Он тщательно вымыл мясо, выложил на доску и начал рубить — всё мельче и мельче, пока оно не превратилось в фарш.

Затем переложил в миску, добавил измельчённый имбирь, рисовое вино, крахмал и яичный белок. К слову, в доме осталось всего два яйца — и те он купил у Чжао амо.

Хорошо перемешав фарш, он слепил из него небольшие шарики и отложил в сторону.

Вспомнив о лапше, он, порывшись в шкафу, нашёл её, взял немного и залил горячей водой, чтобы размокла.

В кастрюлю налил воды и довёл до кипения, затем опустил туда мясные шарики и дал им закипеть на сильном огне. После этого добавил лапшу. В доме ещё оставалось немного молодой капусты — он тоже бросил её в суп, накрыл крышкой и дождался, пока всё сварится. В конце добавил немного соли и посыпал мелко нарезанным зелёным луком.

Это блюдо называлось суп с мясными шариками и лапшой. Готовить его было немного хлопотно, но для больного — самое то: не слишком пресно, но и не тяжело.

Разлив суп по мискам, он уже собирался нести его, как вдруг заметил, что Чжао Чжэнъань незаметно вошёл на кухню и стоит позади.

— Ты чего встал? — удивился Цзыци.

— Умоюсь... и заодно поем, — с улыбкой ответил тот. Сначала его разбудил стук ножа, когда Цзыци рубил мясо, а потом аромат еды окончательно выманил его на кухню.

— Я голоден, — добавил он, моргнув.

Цзыци вздохнул:

— Иди в комнату, подожди, я сейчас принесу.

Чжао Чжэнъань протянул руку, собираясь помочь, но Цзыци тут же мягко оттолкнул её. Оба на мгновение замерли.

— Я... сам отнесу. — неловко пояснил Цзыци.

Чжао Чжэнъань лишь беспомощно усмехнулся. Ну вот, опять... он ведь не фарфоровая кукла.

За столом он попробовал суп и искренне сказал:

— Вкусно. Даже в городских ресторанах не готовят так хорошо, как ты.

— Да ладно тебе, преувеличиваешь, — приснул со смеху Чжун Цзыци. — Ты вообще в ресторанах-то бывал?

— Бывал, — спокойно ответил Чжао Чжэнъань. — Раньше, когда работал в городе, даже служил там помощником.

Любопытство Цзыци тут же разгорелось:

— Тогда почему не остался?

— Закрылся.

— ... — Цзыци не удержался и снова рассмеялся. — И кем ты ещё работал?

Чжао Чжэнъань задумался на мгновение:

— И помощником в ресторане, и на стройке дома ставил, и грузчиком, и торговал... много чем занимался. Только деньги там не так легко заработать. Таких, как я, полно — за любую работу приходится бороться, иначе её заберёт кто-то другой.

Цзыци понимающе кивнул:

— А я слышал, ты много денег заработал!

Чжао Чжэнъань, жуя мясной шарик, неразборчиво ответил:

— Это всё слухи. Не так уж много. Часть я выменял на «добычу».

— Ты ещё и охотиться умеешь? — удивился Цзыци ещё сильнее.

Чжао Чжэнъань покачал головой:

— Не особо. Когда я был маленьким, мой дед и дед-амо жили в этом доме. Отецы... — он на мгновение запнулся, но продолжил, — навещали их время от времени, приносили еду. Я с детства был с ними очень близок и часто приходил. Только вот кроме еды родители почти ничего не давали — ни денег, ни одежды, даже новую вещь за год могли не сшить. Им приходилось тяжело.

Он сделал паузу, словно возвращаясь мыслями в прошлое:

— Деньги в семье хранились у родителя, и у меня к ним доступа не было. Тогда я стал ходить в горы — рубил дрова, носил их в город и продавал. На вырученные деньги покупал деду с дедом-амо хоть немного мяса.

В его голосе прозвучала тихая теплота:

— Тяжело было... но я был счастлив. Потому что у меня были они.

— А потом? — не удержался Цзыци. Теперь ему стало ясно, почему дом семьи Чжао так хорошо сохранился — в нём всё это время кто-то жил.

— Потом... — Чжао Чжэнъань вздохнул. — Однажды отец узнал, что я продаю дрова. Устроил мне такую взбучку... спросил, куда дел деньги. Я не сказал правду, соврал, что всё потратил. Тогда меня хорошенько избили. С тех пор всё, что я зарабатывал на дровах, приходилось отдавать — хоть там и были копейки.

Он усмехнулся, но в этой усмешке было больше горечи, чем веселья:

— Как-то раз в горах я заметил зайцев и фазанов. Подумал: если поймаю — выручу больше. Долго думал, а потом начал ставить ловушки в местах, где зверь часто пробегал. Наутро иногда находил одного-двух глупых зверьков. Чтобы не заметили, прятал добычу в связках дров и так относил в город. И знаешь... платили неплохо. За живого фазана могли дать больше двадцати монет.

Его глаза слегка потеплели:

— Тогда для меня будто открылся новый мир. Я начал зарабатывать охотой, прикрываясь дровами. Правда, рядом с деревней зверя почти не было — приходилось заходить глубже в горы. Я был ещё мал и не рисковал уходить далеко... но и этого хватало, чтобы сшить деду с дедом-амо новую одежду и хоть немного улучшить их жизнь.

Чжун Цзыци слушал, не моргая. В какой-то момент он вдруг почувствовал, что его воспоминания из прошлой жизни — ничто по сравнению с этим. Вот это — настоящая сила. В десять лет он уже ходил в горы и ставил ловушки... А он сам в этом возрасте что делал? Кажется, просто зубрил уроки дома.

Разница была слишком очевидной.

— А потом... — голос Чжао Чжэнъаня стал тише, — когда мне было двенадцать, дед и дед-амо

ушли. Я стал реже сюда приходить... не хотел беречь раны. А деньги... продолжал отдавать родителю. Сейчас думаю — какой же я был тогда глупый.

Он покачал головой и замолчал, сосредоточившись на еде.

Но Цзыци прекрасно понимал, что у того было на уме. В груди неприятно сжалось. Он легко мог представить того маленького Чжао Чжэнъяня — наивного, искренне верящего, что если он будет стараться, зарабатывать, приносить пользу... родители станут относиться к нему теплее. Будут смотреть на него чаще. Подарят хоть немного любви.

Но может ли любовь, построенная на деньгах, продлиться долго?..

<http://bllate.org/book/16132/1609517>